

[Научные статьи]

Бараш Р.Э., Антоновский А.Ю.

*Современная протестная коммуникация
в контексте системно-коммуникативного подхода*

СОВРЕМЕННАЯ ПРОТЕСТНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ СИСТЕМНО-КОММУНИКАТИВНОГО ПОДХОДА¹

Бараш Р.Э.

Кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. (Москва, Россия)
raisabarash@gmail.com

Антоновский А.Ю.

Доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии РАН (Москва, Россия)
antonovski@hotmail.com

Аннотация:

В фокусе внимания авторов статьи — протестные выступления последних лет, вспыхнувшие в различных точках мира под влиянием совершенно разных поводов. Обращаясь к методологии системно-коммуникативного анализа, авторы предлагают интерпретировать протестную самоорганизацию как в первую очередь коммуникацию, альтернативную традиционным способам взаимодействия политической сферы и гражданского общества.

Ставя перед собою задачу определить специфику протестной коммуникации как новой, но соразмерной традиционным коммуникативным системам (политика, хозяйство, наука), а также выяснить, выполняют ли новые социальные движения, в первую очередь протестные, уникальную задачу-функцию как собственного воспроизводства, так и взаимодействия с другими социальными системами, авторы обращаются к использованию методологической рамки системно-коммуникативного подхода. Использование для изучения протестной активности такой методологии предполагает возникновение новых социальных движений следствием реакции на общие системно-структурные деформации общества и актуальные социальные риски, а само складывание протестной коммуникации как предпосылки активного действия интерпретирует как следствие подключения эмоции «социального страха». Способность испытывать страх за другого делает возможным групповое накопление и передачу страхов от одного участника движения к другому.

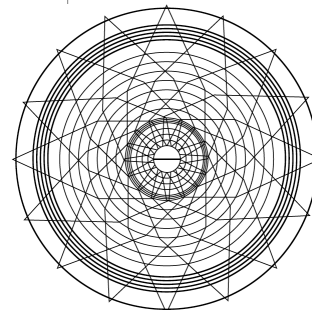
Ключевые слова: протест, медиа, коммуникация, активизм, системно-коммуникативный подход

¹ Автор Бараш Р. Э. подготовила статью в рамках проекта ФНИСЦ РАН «Российское общество перед новыми вызовами: динамика социально-экономического положения, ценностных ориентаций и социального участия различных групп населения».

[Научные статьи]

Бараш Р.Э., Антоновский А.Ю.

Современная протестная коммуникация в контексте системно-коммуникативного подхода

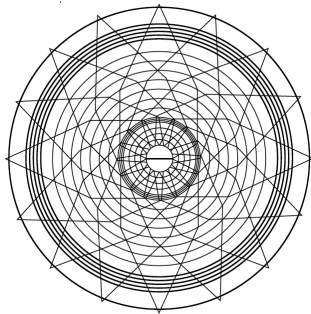

В 2019 году в различных точках мира — Гонконге, Чили, Ливане, Венесуэле, Эквадоре, Каталонии, нескольких городах России и др. — вспыхнули акции гражданского протеста. И если по формальным основаниям сложно было уравнивать, скажем, гонконгские выступления против расширения полномочий Пекина / сокращения автономии Гонконга и акции сторонников венесуэльской оппозиции, выступления защитников независимой Каталонии и пикеты противников строительства мусорного полигона в российском Шиесе, движение автомобилистов парижских пригородов / «желтых жилетов», выступающих против повышения цен на топливо, и антрироссийские по сути своей выступления в Тбилиси лета 2019 г., то с коммуникативной точки зрения протестные выступления прошедшего года подтвердили обозначенную еще в 2014 г. точку зрения о том, что протест представляет собою в первую очередь коммуникацию, альтернативную взаимодействию политической сферы и гражданского общества (Бараш 2014).

Российская реальность отразила мировую. Не чем иным, как реакцией на коммуникативную закрытость власти, стали и «мусорные» протесты против проекта строительства полигона для утилизации отходов в Архангельской области, и выступления против решения властей Екатеринбурга и Свердловской области о строительстве Храма на территории популярного у горожан сквера, и арест по подложному обвинению московского журналиста Ивана Голунова. Акции протеста в столице накануне выборов в Мосгордуму не только своим мотивом — протестом против безальтернативности выборов, — но и резко негативной, жестокой реакцией власти, инициировавшей уголовное преследование недовольных, вновь продемонстрировали, что протестная консолидация происходит из неприятия гражданами своего отторжения от принятия социально и политически значимых решений (Бараш 2014), «когда политическая система оказывается закупоренной... [и] перестает быть пригодной для канализации самого разнообразного социального и политического недовольства» (Гостев 2019). Жесткую реакцию властей на московские протесты лета 2019 г. Т. Становая связывала с тем, что «власть не видит субъекта для диалога, а значит, не может быть и никаких уступок» (Становая 2019).

Ту же логику коммуникативной закрытости властей обнаруживали и исследователи недавних ближневосточных протестов. Так, рассуждая о причинах второй волны «Арабской весны» в 2019 г., М. Муашшер, в прошлом министр иностранных дел Иордании, видел одним из основных их триггеров систематическое отсутствие в ближневосточном и североафриканском регионе «надежного института» участия граждан в управлении своими странами (Muasher 2019).

Тем не менее по-прежнему актуальным является комплексное осмысление особенностей складывания протестной коммуникации. Особенно сегодня, когда неотъемлемым атрибутом протестной мобилизации являются новые медиа и средства коммуникации.

[Научные статьи]

Бараш Р.Э., Антоновский А.Ю.

*Современная протестная коммуникация
в контексте системно-коммуникативного подхода*

Протестная коммуникация как подвид новых социальных движений. Теоретический и методологический аспект исследования

Протестную коммуникацию смело можно назвать традиционным объектом социального познания. Протестные объединения еще в 1960–1970-е гг. стали рассматриваться как разновидность появившихся примерно тогда же новых социальных движений. С момента своего феноменологического оформления новые социальные движения становились исследовательским объектом и предметом целого спектра дисциплин. Так, Джеф Гудвин и Габриэль Хэтланд рассматривали новые социальные движения с точки зрения политической экономики (Goodwin, Hetland 2013). Хосе-Мануэль Сабуседо, Идали Баррето, Глория Сеоан и др. предлагали в большей степени сосредоточиться на изучении факторов политической мобилизации и конкуренции (Sabucedo, Barreto, Seoane et al 2017). Однако ввиду присущей новым социальным движениям специфической коммуникации, (вос)производящей особый язык и альтернативные механизмы солидарности, одним из наиболее востребованных является теоретическое осмысление новых социальных движений с точки зрения коммуникативистики.

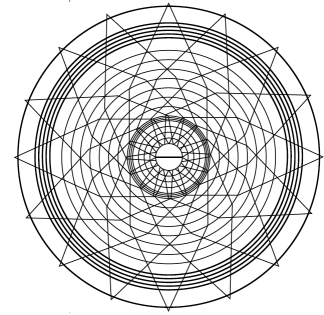
Так, Ален Турен интерпретировал движение протеста как коллективное усилие, направленное на культурную легитимацию новообразованных норм и ценностей, но реализуемое при противодействии противников (Touraine 1985). Чарльз Тилли приписывал протестной коммуникации функцию выдвижения коллективных требований в отношении принимающих решения инстанций. Неотъемлемой частью выдвижения подобных требований Ч. Тилли называл ее символическую поддержку, реализуемую в виде социальных «перформансов» (митингов, демонстраций, соответствующего информационного сопровождения) (Tilly 2004). Герберт Блумер полагал протестное движение коллективным предприятием, вызванным неудовлетворенностью жизненным порядком и направленным на его изменение (Blumer 1969). Мануэль Кастельс рассматривал протест как целеориентированное коллективное действие, реализуемое в рамках «сетевого общества» с целью изменения его «ценностей и институтов», в том числе посредством «информационной герильи» (Castells 1997: 3). Рон Айерман и Эндрю Джэймисон расценивали протест как источник «импульса для коллективного творчества по формированию и предложению в распоряжение более широкого сообщества идентичностей и идеалов» (Eyerman, Jamison 1991: 3). Дэвид Мейер полагал протест ресурсом оппозиции, к которому последняя обращается с целью давления на власть посредством внеинституциональных методов (Meuer 2004). Альберто Мелуччи отмечал, что протестное движение порождает новые формы социальности и коллективной идентичности (Melucci 1985).

Новые социальные движения заметно отличались от традиционных общественных объединений, в частности, выдвигая требования преимущественно не предметно-практического (повышение заработной платы,

[Научные статьи]

Бараш Р.Э., Антоновский А.Ю.

Современная протестная коммуникация в контексте системно-коммуникативного подхода

избирательные права и пр.), но, скорее, концептуального характера. Так, сегодня никого не удивляет, что «поводом для массовых выступлений становятся неочевидные вещи вроде экологии или строительства храма» (Перцев 2019). Еще одной отличительной чертой новых социальных движений является неформализованный характер их организации при одновременной способности порождать широчайшую по охвату и затрагиваемой тематике систему коммуникации.

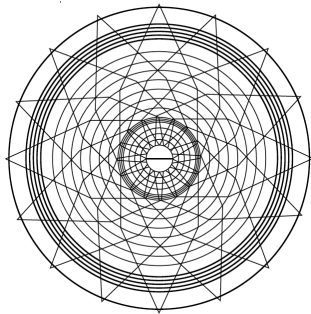
Кроме того, с течением времени и развитием медиа самоорганизующиеся социальные группы, в том числе и протестные, все активнее стали обращаться к использованию медиа и технологий нового типа. Так что объяснение генезиса и развития коммуникативных систем нового типа, в том числе и протестных движений, сегодня невозможно в рамках традиционного анализа, предполагающего использование методологии отдельных дисциплин: эмпирической социологии, социальной психологии и т. д.

К новой методологии исследования протестной коммуникации

Поскольку комплексная интерпретация особенностей современных протестных объединений требует системного анализа и связана со специфичной функциональной системой, использующей особые коммуникативные медиа, востребованным сегодня представляется использование методологического потенциала системно-коммуникативного подхода (Луман 2016). Кроме того, протестные объединения отличаются предельной размытостью своих границ, что часто не позволяет установить ни уникальную тему-триггер недовольства, ни целевую группу-выгодоприобретателя протеста. Поэтому актуальной становится задача определения специфики протестной коммуникации как новой, но соразмерной традиционным коммуникативным системам (политика, хозяйство, наука), а также выяснение, выполняют ли новые социальные движения, в первую очередь, протестные, уникальную задачу-функцию одновременного собственного воспроизводства, так и взаимодействия с другими социальными системами.

В этом смысле оправданным представляется использование в качестве методологической рамки идей Х. Фукса, который полагал возникновение новых социальных движений следствием реакции на общие системно-структурные деформации общества и актуальные социальные риски. Как отмечал Х. Фукс, протестная коммуникация кристаллизуется под влиянием последовательной аккумуляции критических наблюдений за общественными противоречиями и проблемами, приобретая черты горизонтальной структуры под влиянием не резкого ухудшения отдельных социальных характеристик, но вследствие обострения социальной перцепции и осознания некоторого социального противоречия (Fuchs 2006).

Предложенный Х. Фуксом алгоритм формирования протестных структур укладывается в общеметодологические рамки трехстадийной концепции

[Научные статьи]

Бараш Р.Э., Антоновский А.Ю.

*Современная протестная коммуникация
в контексте системно-коммуникативного подхода*

социальной эволюции авторства Н. Лумана (Луман 2017), в рамках которой функциональный генезис социальных движений понимается как производное от накопленной критической массы новых способов коммуникации, наблюдения и самоописания и их стабилизации посредством постепенной структурной совместимости с окружающей средой (Antonovsky 2017). Самовоспроизводство коммуникативной системы протеста возникает из консолидации значительного числа наблюдений, понимаемых как маргинальные или нежелательные, и дальнейшей самовалидации протестной коммуникации, когда само алармистское обсуждение «негативных тем» и даже их сценариев запускает новые циклы их коммуникативной ретрансляции. Протестный медиум коммуникации выступает аутопоэтической структурой и связывает коммуникативные макро- и микроуровни, когда переживания опасности на микроуровне выливаются в медийно освещаемые общественные протестные акции, что не запускает новый виток обсуждения/коммуникации в медиа, но и прямо затрагивает/вызывает коммуникативный отклик у иных макросистем (хозяйства, политики, права) (Luhmann 1996; Jarr 1996).

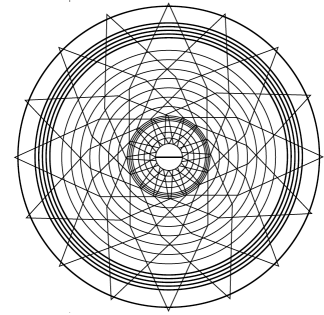
Складывание протестной коммуникации не определяется влиянием одного фактора, но представляет собою сложный результат кризиса, ресурсной мобилизации, когнитивной мобилизации, самопроизводства. Радикальный протест может быть спровоцирован самым незначительным событием-триггером, тогда как фундаментальные структурные деформации, вызывающие личные депривации и социальное недовольство, могут и не породить протестной активности. Протест — причина самого себя. Как всякая форма коммуникации, образующаяся в ходе дифференциации функциональных систем, протест не имеет внешних причин. Поэтому протестная коммуникация должна рассматриваться как реализация представляющейся эволюционной возможности, а не как функциональный ответ на вызов. В этом смысле условные «социальные проблемы» являются не причинами, а следствиями протеста, который «обостряет» то, что само по себе никогда бы не стало центром общественного обсуждения (Jarr 1984).

До недавнего времени протестная коммуникация условно совпадала с «телесным присутствием» протестующих на акциях, митингах, шествиях и пр. (Антоновский 2011). С частым обращением активистов к новым средствам коммуникации, протестные объединения, в первую очередь своей мобилизующей повесткой, все чаще оказываются еще и локализованы в виртуальном контенте интернета, социальных медиа, мессенджеров (Антоновский 2015). Временная локализация современной протестной коммуникации, в отличие от условно традиционных проявлений социального недовольства (митингов, революций, мятежей), ввиду её аутопоэтичности и локализации, в том числе и в интернете, не сводится к единичным событиям, но «растянута» во времени без четких критериев завершения. Не только протестные акции, но и весь комплекс протестной реакции (артикуляция протестной тематики и системы ценностей, складывание организационной

[Научные статьи]

Бараш Р.Э., Антоновский А.Ю.

Современная протестная коммуникация в контексте системно-коммуникативного подхода

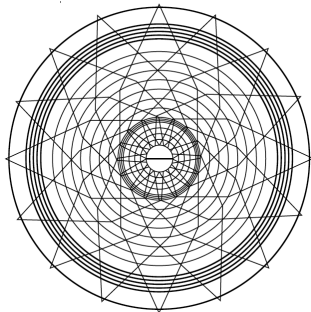

структуры и иерархии, создание и публикации манифестов/уставов/листовок/газет) лишь провоцируется отдельными событиями-триггерами, тогда как подлинной причиной тех или иных проявлений протестной коммуникации является ее аутопоэтическая природа.

К эпистемологическим основаниям протестного движения

С исторической точки зрения, возникновение протестных движений можно расценивать как результат «всеобщей инклюзии», когда осуществляемый ранее на протяжении веков социальный контроль путем исключения теми или иными способами из сообщества (путем изгнания, физического уничтожения, ограничения прав и возможностей) носителей аномных форм поведения и коммуникации (Кастельс 2000). С исчезновением «эксклудирующего» контроля за социальным порядком возможными становятся протестные формы коммуникации. «Продуктом» «всеобщей инклюзии» становятся эффекты «эксклюзии инклюдированных» и «инклюзии эксклудированных». Так, с одной стороны, в результате необходимости принимать «аномию» в непосредственной близости появляется разочарование всеобщей инклюзией. Нежелание принимать соседствующие раздражающие сообщества порождает коммуникативную систему протеста, выстроенную вокруг принципа эксклюзии инклюдированных и желания в принципе ликвидировать принцип «всеобщей инклюзии» (например, неприятие ЛГБТ-сообществ объединяет традиционалистов, а недовольство соседствующими рядом этническими меньшинствами — носителей правых взглядов). С другой стороны, недовольство порождает также и инклюзия эксклудированных. То есть всех, кто не готов принять конформное поведение, теперь не исключают из общества ввиду их асоциальности, но, напротив, интегрируют в сообщество на принципах исключительности (особые субкультуры, к примеру, «амиши» или хиппи).

Таким образом, аномные формы поведения из исключаемых превращаются в исключительные и получают в рамках допускающих аномное поведение групп внутреннее самописание. Поражаемые (вплоть до исключения из коммуникации) за недопустимое поведение группы выстраивают собственную логику самоописания как пораженных «в праве на индивидуализацию» и как исключение из части сообщества, принимающего решения, но не из общества в целом. Различение на «эксклюзию инклюдированных» и «инклюзию эксклудированных» позволяет наблюдателям/исследователям разделить протестные объединения на условно «плохие» и условно «хорошие». Условно «плохие» протестные объединения развивают сложную семантику самоописаний, где понимают себя реализующими функцию эксклудировать инклюзию эксклудированных, т. е. удалить чуждые сообщества из своей культурной среды. Но будучи сами эксклудированными, условно «плохие» протестные объединения сталкиваются с неразрешимым парадоксом самоликвидации. Такой парадокс самоликвидации протестных сообществ часто

[Научные статьи]

Бараш Р.Э., Антоновский А.Ю.

*Современная протестная коммуникация
в контексте системно-коммуникативного подхода*

можно наблюдать в сообществах, где одобряются цели (идеи) радикального протеста, но считаются неприемлемыми его методы.

Складывание протестной коммуникации как предпосылки активного действия стало возможным под влиянием подключения эмоции «социального страха». Никлас Луман предлагает различать две составляющие социального страха: «anxiety» как имеющий конкретную причину ситуативный испуг и «worry» как перманентную встревоженность с нефиксированным источником (Luhmann 1994). Таким образом, «worry» представляет собою подпитываемую конкретными страхами социальную энергию, которая служит постоянной коммуникативной тематизации и предмета страхов, и механизмов социальной памяти как некоего накопителя социального страха. Движущие протестную коммуникацию мотивы и эмоции относятся скорее к социальным, а не психологическим явлениям. Способность испытывать страх за другого делает возможным групповое накопление и передачу страхов от одного участника движения к другому.

Протестная тема лишь анализирует/представляет (через использование коммуникативной логики) внешний мир участников протеста, который не может быть удостоверен в своей реальности при помощи переживания реальной травмы. Это отличает протестную систему коммуникации от традиционных систем, где абстрактные коммуникативные медиа (власть, деньги, истина, любовь), как центры кристаллизации системной коммуникации, способны апеллировать к «телесным», «физиологическим» формам удостоверения своей значимости (соответственно, насилию, потреблению, восприятию, сексуальности) и могут обеспечивать непосредственный доступ к переживаниям реальности внешнего мира сознанием, а не только коммуникативным обсуждением (Бараш, Антоновский 2017).

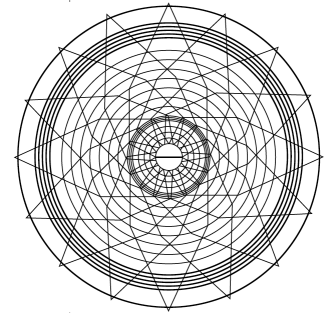
В качестве родовой/отличительной характеристики протестных движений можно назвать их горизонтальную природу и отсутствие четкого лидера. Целый ряд эмпирических исследований, посвященных изучению особенностей современной протестной коммуникации, фиксирует, что участие в протестных кампаниях обусловлено отнюдь не ориентацией на авторитет условного лидера, но близостью и актуальностью задаваемой протестами повестки (Палагичева, Фролов 2019).

Понимаемая таким образом протестная коммуникация (Luhmann 1972) по природе своей не имеет атрибутов формальной организации (устойчивых правил вхождения и членства, прав и обязанностей участников, жесткой иерархии и внутреннего нормативного регулирования). В случае появления подобных атрибутов, протестная коммуникация приобретает черты организации и как система коммуникации приходит к своему завершению. В отсутствии формальной организации протестная коммуникация то активизируется, то ослабевает. Ослабление интенсивности и протестных акций, и самой протестной коммуникации, с одной стороны, приводит к разочарованию ее сторонников, вследствие чего активистское ядро переходит к более радикальным формам протеста, что вызывает негативную реакцию со стороны традиционных

[Научные статьи]

Бараш Р.Э., Антоновский А.Ю.

Современная протестная коммуникация в контексте системно-коммуникативного подхода

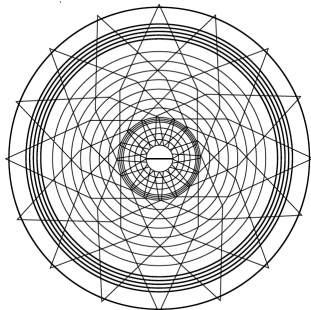

макросистем (политики, экономики, правовой системы, культуры). С другой стороны, синусоидный характер протестной коммуникации делает ее неуничтожимой, переводя, например, недовольство «на спаде» в его более мягкие альтернативные/замещающие формы (волонтерство или информационно-аналитический мониторинг).

Ослабление интенсивности предметных проявлений протестной коммуникации обеспечивает ей «передышку» и адаптацию к новым формам политической реальности, создает предпосылки накопления «протестной энергии». Формальные основания завершения протестной коммуникации вроде достижения конкретных целей, уничтожения раздражающего фактора или истощения ресурсов не только не приводят к затуханию протеста, но и, напротив, активизируют ее. Поскольку протестная коммуникация есть «альтернатива без альтернативы», протест не формулирует программных целей и не предполагает альтернативных решений. Ощущение несправедливости в отношении той или иной группы, обсуждение активистами такой несправедливости в качестве проблемы маркирует весь прежний порядок, понимаемый ранее как естественный, как несправедливый и требующий тотальной переоценки, что, таким образом, привносит в протестную коммуникацию целый спектр дополнительных поводов для недовольства и, соответственно, медиумов коммуникации.

Протестная коммуникация, сложившаяся по одному поводу (к примеру, политическому), может постепенно включить в себя другие темы (к примеру, социальную проблематику) или переключаться на проблемы иного характера (к примеру, экологические или правозащитные). Для понимания природы протестной коммуникации важным является определение центральной темы, мотивирующей участников протестной коммуникации к действию, а не коммуникативных кодов кристаллизации коммуникативных систем. Протест как коммуникативная система лишена не только четких границ мотивирующей его тематики, но и долговременного плана действий, что делает его трудноотделимым от единовременного выражения социального недовольства. Верификация участия в протестной коммуникации маловероятна как через определение приверженности той или иной формальной структуре протеста (в силу ее отсутствия), так и через выяснение степени «приверженности» активистов той или иной тематике.

Не может произойти и гипотетического истощения ресурсов протестной коммуникации, понимаемых, в первую очередь, как мотивационная энергия протеста в ее нефизическом смысле. Такими ресурсами протестной коммуникации сегодня является медийной обсуждение тревожащих проблем/явлений и сам проблематизирующий дискурс. Медийная проблематизация поддерживает высокий градус общественного возмущения и постоянно расширяет аудиторию обсуждения. Условное «истощение» коммуникативных ресурсов, выражающееся в уменьшении интереса к конкретной теме, может приводить к переключению коммуникативной системы

[Научные статьи]

Бараш Р.Э., Антоновский А.Ю.

*Современная протестная коммуникация
в контексте системно-коммуникативного подхода*

протеста с одной протестной тематики на другую. Так, в России протестные настроения 2011–2012 переключились с темы электоральных фальсификаций на тематику украинского революционного Майдана и последующих событий в юго-восточных регионах.

Протестное взаимодействие формируется как новая сетевая форма коммуникации, консолидированная медиумом согласования и взаимоучета базовых интересов активистов. Можно говорить о возникновении новой коммуникативной системы с функцией «коррекции наблюдения» и дефицита рефлексии, свойственного традиционным коммуникативным макросистемам (политики, хозяйства, науки и т. д.) (Антоновский 2017). Основываясь на индетерминистской концепции автопоэзиса, протест можно определить как причину самого себя, как самовоспроизводящуюся систему коммуникаций, зависимость которой от внешних факторов достаточно произвольна.

В этом смысле протестная коммуникация как новый тип коммуникации отличается от традиционных, системно-организованных коммуникативных систем. Можно говорить о том, что дифференцирующей особенностью (*differentia specifica*) протестной коммуникации является в первую очередь личная привязанность недовольных к системе и теме протеста, предполагающая персональную лояльность к теме или ключевой идее недовольства, в отличие, скажем, от коммуникативной системы экономики, включенность в которую не предполагает персональных обязательств для потребителей по покупке конкретного товара, или как интеграция в политическую систему, не предписывающую гражданам лояльности к той или иной политической силе.

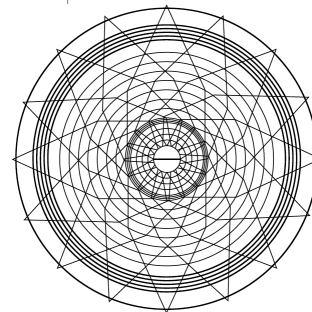
Негативная реакция условного конкурента на протестную коммуникацию дополнительно усиливает консолидацию «протестной группы». Оппозиционный контекст задает также и саморазличение/самоописание условного оппонента, который также перенимает логику измерения проблемы личной лояльностью к проблеме. Неслучайно многие исследователи видели причину жесткой реакции российских властей на волну протестов лета 2019 г. в складывании своеобразной «пирамиды ответственности», когда вся бюрократическая вертикаль оказалась вовлечена в солидарное участие в решительной реакции на протест (Баунов 2019).

Помимо собственных личных переживаний, травм, или ощущения несправедливости, или персонального поражения в правах, многих сторонников радикальных объединений мобилизует сострадание к другим «пораженным в правах» или жертвам. При этом мотив защиты и собственных интересов, и интересов некоторых социальных групп, отнюдь не обладает однозначным мобилизационным потенциалом. Ощущение группой своей «пораженности» предстает лишь темой протеста (т. е. предметом коммуникативного обсуждения, языковым артефактом). Такое ощущение не переживается сознанием протестующих как реальность внешнего мира участников протеста и в каком-то смысле является симулякром.

[Научные статьи]

Бараш Р.Э., Антоновский А.Ю.

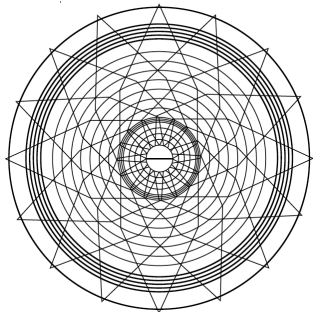
Современная протестная коммуникация в контексте системно-коммуникативного подхода

(Само)виктимизация некоторой группы не объясняет неожиданной актуализации протеста, поскольку традиция «самоописания» через страдание сообщества существовала довольно давно. Но лишь сейчас, в первую очередь благодаря очень быстрому и максимально широкому виртуальному тиражированию социальными медиа информации о той или иной социальной проблеме, страдании/дискриминации той или иной группы, подобная логика самоописания, захватывающая и организующая массы, оказалась способна накапливаться как специфическая энергия и вызывать социальное недовольство. Притом, что в формировании протестности, и тем более в ее активизации, часто присутствует элемент сугубо личной обиды, ключевыми обстоятельствами формирования, как правило, оказываются более общие факторы. Существенное влияние на интенсивность протестности оказывают действия самой власти. На сам факт существования фоновой протестности воздействовать нельзя: она неустранима, но и сама по себе не представляет никакой опасности для власти». Более того, латентная социальная протестность нуждается в защите, поскольку покушение на нее может перевести фоновое недовольство в активный протест.

Дискурс «защиты оскорбленных» обладает несомненным мобилизационным потенциалом активистского резерва. И это понимает любая стремящаяся нивелировать недовольство власть, которая нередко постепенно «перенимает» на себя функцию опредмечивания нуждающейся в защите группы и самостоятельно формирует список обиженных. Аналогично «парадоксу меньшинств», власть фактически методом позитивной дискриминации предоставляет «выделенным группам» особые преференции (распространяя «позитивную дискриминацию» в отношении некоторых этноконфессиональных групп, к примеру). Но такие действия властей нередко не только и не столько снижают градус социального недовольства и протестный потенциал, сколько формируют «флер элитарности» вокруг тех групп, чью особенную защиту инициирует российская власть. Как и в ситуации реализации принципа позитивной дискриминации, предоставление особых преференций группам, добившимся признания собственной «виктимизированности», приводит к обратному результату: формированию дополнительной социальной стратифицированности, новой элитарности. И как следствие — к интенсификации протестности.

Нередко и сами представители протестного ядра заинтересованы в маркировании своей оппозиционности властями через опредмечивание «жертв режима». Появившиеся мученики — пострадавшие от санкций властей недовольные гражданские активисты — нередко автоматически получают сочувствие среди самых разных «недовольных» локальных групп. Существование «мучеников режима» — важный для активистского ядра маркер интенсивности протестных настроений. В ситуации латентного недовольства властью любые дискриминируемые ею активисты автоматически получают

[Научные статьи]

Бараш Р.Э., Антоновский А.Ю.

*Современная протестная коммуникация
в контексте системно-коммуникативного подхода*

сочувствие. Однако степень и формы сочувствия к протестующим против действий властей активистам могут различаться, а интенсивность их популярности, выстроенной вокруг дискурса сопротивления, очень быстротечна. Яркой иллюстрацией данного тезиса может служить судьба российских протестных активистов лета 2019 г., ни один из которых, даже попав в тюрьму, мучеником в глазах широких масс не стал.

Каждая форма протестной коммуникации наделена специфической оптикой наблюдения окружающего мира, позволяющей наблюдателю оценить окружающий мир при помощи дистинкции «решение/поражение». Протестная коммуникация предполагает специфический взгляд на мир через предписывание ему центрального структурного расщепления на сторону «Я» и сторону «врага». Таким врагом в рамках коммуникации политического протеста является государственно-политическая бюрократия, в рамках экологического протеста — промышленные индустриальные гиганты, в рамках национально-освободительного протеста — условные колонизаторы.

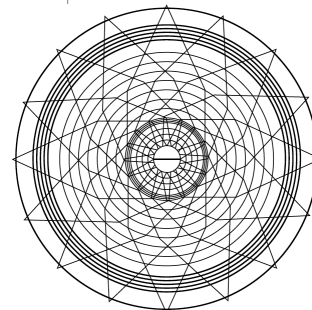
Именно ввиду обращения любой протестной коммуникации к дистинкции «решение/поражение», общей характеристикой для любых проявлений протестной коммуникации является приписывание участниками протестной коммуникации себе статуса объекта чужого несправедливого действия/решения. Неслучайно весной и летом 2019 г. одним из наиболее значимых механизмов протестной консолидации в России стала условно цеховая солидарность коллег тех, кто, как казалось участникам протестов, невинно пострадал от «государственно-полицейской системы». Несмотря на то, что в протестную коммуникацию впоследствии включились представители самых разных социальных и профессиональных групп, инициатива коллективной защиты Ивана Голунова исходила поначалу от его коллег журналистов. Одиночные пикеты в поддержку фигуранта «московского дела» Егора Жукова начали студенты ВШЭ, многие преподаватели и сотрудники вуза подписали коллективное письмо с призывом поручиться за него в суде. Активно поддерживал дизайнера Константина Коновалова, обвиненного в участии в несанкционированном митинге летом 2019 г., блогер Илья Варламов. Кампанию солидарности с фигурантом «московского дела» актером Павлом Устиновым начали его коллеги — актеры театра и кино. Кроме того, накануне оглашения приговора видео в защиту Устинова обнародовал его учитель, худрук театра «Сатириконт» Константин Райкин (Железнова 2019).

И хотя протестную консолидацию на основании ресурса профессиональной солидарности многие критиковали за «избирательность» (Шклярков 2019), приведенные выше примеры довольно ярко демонстрируют высочайший объединительный потенциал коммуникативной логики, сложившейся на основании дистинкции «решение/поражение». Протестная коммуникация, основанная на «страхе за другого», несомненно, является порождением современного общества, тогда как традиционное общество предполагало общественное осуждение и санкционирование индивидуального страха. Кроме

[Научные статьи]

Бараш Р.Э., Антоновский А.Ю.

Современная протестная коммуникация в контексте системно-коммуникативного подхода

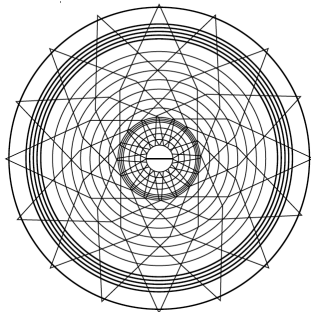
того, такой «страх за другого» не только получает теперь социально-разрешенную форму, но даже может претендовать и на приоритет в конкуренции с другими запросами на контакт и предлагаемыми темами, ведь он стилизуется как принципиально альтруистическое предложение смысла, как форма коллективизма и новой солидарности на основе общих страхов и тревог, отличаясь от социально-запрещенных выражений эгоцентрического страха.

Ресурс новых медиа для протестной коммуникации

Особенный интерес к протестной коммуникации связан с нарастающим взаимовлиянием активистских сообществ и новых медиа, в первую очередь социальных медиа и мессенджеров (Harvey 2008; Антоновский 2012; Бараш 2012). Сегодня неоспоримым уже является тезис о том, что социальные медиа оказываются необходимым элементом протестной консолидации (Архипова, Радченко, Титков и др. 2018), который существенно упростил процесс мобилизации граждан в массовые движения и позволил повысить эффективность действий массовых движений (Соколов, Курбанова 2018).

Обращение протестных сообществ к использованию ресурса социальных медиа позволяет не только активнее мобилизовывать представителей разнообразных сообществ (этнокультурных, религиозных, спортивных и пр.) под лозунгом борьбы с общей несправедливостью, но и напрямую обращаться к гражданам. К примеру, молодежные студенческие организации («Инициативная группа МГУ» и другие) через ресурс интернета (Бареев, Качурина 2019) и социальных медиа привлекли общественное внимание к нескольким прецедентам уголовного и судебного преследования протестных активистов («дело Азата Мифтахова», «Пензенское дело», дело «Нового величия»), напрямую апеллируя к обывателю и генерируя перетекание общественного недовольства в офлайн реальность (например, в формате «Марши материнского гнева»).

С активным «перетеканием» активности в интернет и социальные медиа в 2010-х гг. новые социальные движения, в том числе и протестные объединения, действительно, существенно видоизменились. Если в досетевую эпоху масштабы протестной мобилизации были ограничены ее горизонтально-ризоматической структурой, отсутствием формализованной иерархии и разделением полномочий, то благодаря виртуальным медиа новые социальные движения обрели адекватные своему содержанию формы, способные компенсировать «традиционные недостатки», связанные с трудностью неконфликтного согласования коллективно-обязательных решений (Дзялошинский, Жолудь 2018). Кроме того, ресурс современных медиа позволил протестным объединениям сохранить свою фактическую неуничтожимость, обусловленную отсутствием зависимости от формализованной структуры (а значит опасности роспуска «сверху» или последовательного уменьшения привлекательности объединения через угрозы/подкуп/переубеждение

[Научные статьи]

Бараш Р.Э., Антоновский А.Ю.

*Современная протестная коммуникация
в контексте системно-коммуникативного подхода*

участников) и действий харизматичных лидеров (т. е. опасности коммуникативной замкнутости руководящих структур).

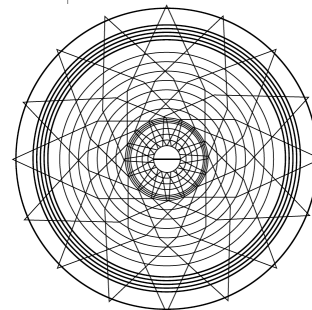
Хотя активное обращение участников протестных акций к новым формам коммуникации позволило многим исследователям в 2010-х гг. заговорить о новом явлении Facebook- и Twitter-революций, сегодня вряд ли правомерно приписывать атрибуты мобилизационного триггера интернету и социальным медиа. Коммуникация в электронных медиа действительно является одним из базовых атрибутов новых социальных движений (Легостаева 2019). Однако социальные медиа выступают скорее одним из видов горизонтальной самоорганизации, но не субъектами нового типа, наделенными отдельными функциями сознания, целеполагания, способными на взаимодействие с окружающей реальностью через несетевую активность (митинги, электоральное поведение, акции и т. д.). В этом смысле можно согласиться с тезисом о том, что интернет играет роль вторичного фактора изменения политических процессов и институтов, формируя общественное мнение, на которое впоследствии вынуждены реагировать власти (Соколов 2019).

Новые виды коммуникации можно определить как суперсубъекты, использующие программные нейронно-сетевые механизмы, оценивающие значимость и вес релевантных для запуска несетевой активности событий, триггеров и процессов. В первую очередь это касается интенсивности обсуждения значимости той или иной протестной темы, а также определения участниками протестной коммуникации механизма и масштаба реагирования на раздражитель (подписание петиции / проведение митинга / саботаж решений правительства). Вероятно, именно с новыми формами сетевой мобилизации, прежде всего численного определения популярности проблемы / готовящейся акции, связаны успешные протестные выступления последнего десятилетия. Оправданным представляется тезис о том, что социальные медиа представляют собою своего рода исчисляющие машины и формы искусственного интеллекта. И в этом смысле интернет-активность, в том числе и протестная, представляет собою совершенно самостоятельный вариант самоорганизации, которая может распространяться и пропагандировать цели активистского/протестного движения, самостоятельно при этом формируя собственные цели. Интернет-поддержка протестного движения может рассматриваться как один из подготовительных этапов конкретных протестных действий, но вряд ли может считаться аналогом «вирусного распространения» дискурса протеста, поскольку у вируса буквально иная задача — встроить свой фрагмент ДНК в ДНК клетки. В ситуации протестной интернет-активности можно говорить о системно-коммуникативном взаимодействии с системой власти и другими обособившимися общественными структурами, поскольку «протестное движение не может рассчитывать на перенос собственных целей во властный «организм». И в этом смысле можно говорить о том, что расширяющаяся включенность носителей протестного габитуса в информационную повестку тематического объединения или регулярное взаимодействие с другими его

[Научные статьи]

Бараш Р.Э., Антоновский А.Ю.

Современная протестная коммуникация в контексте системно-коммуникативного подхода

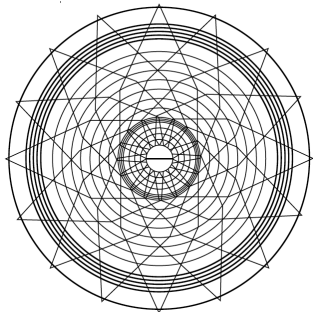

сторонниками в формате обсуждения актуальных проблем в «тематических группах» может способствовать реальной консолидации активистов только в ситуации, когда интернет-общение ориентировано на решение практических задач онлайн и офлайн.

Если же интернет-общение не ведет далее к следующим шагам по подготовке к протестным акциям, то оно остается всего лишь обменом мнениями, являясь необходимым, но недостаточным шагом в направлении протестной активности в значительной степени потому, что координация «активистского габитуса» в офлайн-пространстве интернет-коммуникации носит фрагментарный и временный характер, и, как правило, не доводится до организационного или менеджерского обслуживания координируемой цели. Социальные медиа выполняют сегодня роль «социальных батареек», не давая остыть социальному напряжению и алармизму, ретранслируя его в рамках разветвленной сети обсуждения тревожащей темы, автопоэтически генерируя новые страхи и тревоги.

Несомненно, интернет и социальные медиа обладают уникальными возможностями предметно-тематической, социальной и пространственно-временной координации протестной активности, что делает возможным синтетическое единство частных тем и постепенное образование у протестной коммуникации единого бинарного медиакода (выстроенного в логике справедливое/несправедливое), на который ориентируются традиционные макросистемы и который до сих пор отсутствовал у протестной коммуникации. Несомненно, обращение к ресурсу новых медиа позволило протестной коммуникации разрешить традиционные для себя проблемы тематической гетерогенности, рассеянности и маргинальности.

Для разных активистских групп условный мобилизационный эффект интернет-коммуникации различен. Если для наиболее активной части протестантов интернет действительно нередко становится мобилизационным средством и организационным механизмом протеста, перетекающего из виртуального пространства в реальное, то для выражения обычной «фоновой» протестности вполне достаточным можно считать самых простых ресурсов интернет-пространства («большинству достаточно чтения соответствующей информации с «лайками» и периодическими комментариями»). Одновременно для условно «латентного» кластера протестно настроенных граждан интернет может стать и механизмом для «выпуска пара», носящим повсеместный и всевременной характер. Такой «выпуск пара» может быть связан, к примеру, с комментированием статей, новостей без формирования каких бы то ни было конструктивных предложений по решению задач протестных движений. И хотя такого рода «выпуск пара» можно в принципе считать терапевтическим и косвенно поддерживающим политический активизм, значимость и масштабы интернет-коммуникации активистов не стоит преувеличивать.

[Научные статьи]

Бараш Р.Э., Антоновский А.Ю.

*Современная протестная коммуникация
в контексте системно-коммуникативного подхода*

Разрастание популярности интернет-коммуникации — следствие естественного процесса распространения влияния в современном обществе самореферентных групп. Возрастание влияния на современников разнообразных интернет-сообществ и групп можно считать «проявлением «освобождения» человека от «репрессивной и дискриминирующей» принудительности включения в какой-либо социальный институт или отнесения к определенной нормативной системе». В силу того, что в интернет-среде коммуникация конфигурируется по желанию участников, любая протестная группа допускает самые разные формы участия по выбору «протестанта», что делает участие в виртуальных сообществах предельно привлекательным для современников, ищущих для себя «комфортных» референтных групп.

О критериях сопричастности протестной коммуникации

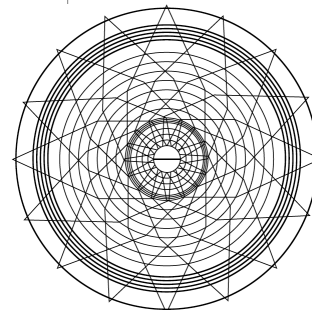
С точки зрения системной теории, протестная коммуникация находится в структурном сопряжении с системной политической коммуникацией (Антоновский 2017). То есть событие из одной сферы (к примеру, решение власти о строительстве предприятия, работающего с нарушением требований экологической безопасности), являясь элементом этой системы коммуникаций, одновременно представляет собой событие-триггер в рамках другой системы коммуникации. При этом каждая из коммуникативных систем сохраняет системную автономию в том смысле, что всякий акт, например, экологической коммуникации (митинг, протестная публикация, демонстрация) «подсоединяется» не к коллективно-обязательному политическому решению (разрешению на ее проведение или, напротив, запрету), а к предшествующей экологической коммуникации и учитывает ее будущие перспективы. Тогда как коммуникация вокруг экологической тематики в рамках политических, экономических, научно-технических систем автономна, хотя подобная коммуникация и тематизирует в своих независимых обсуждениях экологически значимые явления. Из структурного сопряжения протестной и политической коммуникации вытекает понимание темы протеста как точки его кристаллизации, но не причины. Условная протестная тема, не только генерируя протест, но и являясь производным протестной коммуникации, должна пониматься как некий не причинный фактор.

Важно различать протестность как конструктивную оппозиционность в целом и протестность как родовую характеристику любых форм несогласия или противодействия: от простого недовольства до активного членства в протестных организациях. Адепт протестных взглядов может «перемещаться» от одной формы протестной активности к другой: вероятно как «входящее», так и «нисходящее» движение активистов в их следовании разнообразным формам протестных действий от простого недовольства до активного членства в протестных организациях. Возможно и изменение интенсивности участия сторонников протестных выступлений, нарастание и затухание степени

[Научные статьи]

Бараш Р.Э., Антоновский А.Ю.

Современная протестная коммуникация в контексте системно-коммуникативного подхода

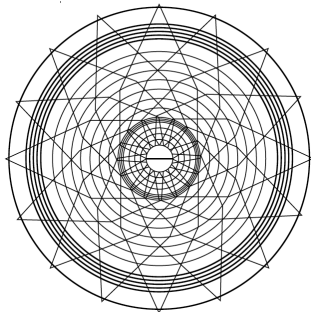

включенности в контекст активности протестных объединений. Помимо активных протестных инициатив (посещение митингов, участие в оппозиционной организации, отдельные протестные акции), существует еще и латентный протест, который копится в качестве скрытого социального недовольства. И такая фоновая протестная активность проявляется, к примеру, в подозрительном отношении к любой властной инициативе и желании держаться от власти подальше или минимально с ней контактировать. При этом очевидно, что среди адептов протеста «настоящих буйных мало» и радикальные (точнее, экстремистские) формы выражения недовольства — удел единиц, тогда как остальным достаточно пассивно-зрительского участия в просмотре теленовостей или сетевого контента.

Политический активизм может быть не только остро ситуативным, условно «когнитивным», но и мировоззренческим, так называемым реактивным. Если «когнитивный» политический активизм в большей степени связан с критикой актуальной социальной и политической повестки, то «реактивный» протестный активизм опосредован «стилем жизни» людей, характерами и психологическими особенностями, коммуникативными факторами образования сообществ и т. д. В современном обществе «реактивный» тип протестности более распространен, и поэтому не способен осуществлять менеджерскую задачу по отношению как к самому себе, так и к проблемам, по поводу которых протесты манифестируются». В частности, активное участие подростков в протестных акциях весны 2017 г. было обусловлено отнюдь не молодежным азартом или «модой на протест», но системным недовольством граждан, прежде всего молодых, несправедливостью социального устройства страны и закрытостью власти (Горбачев 2017 Галактионова 2019).

И в этом смысле уличные акции протеста решают сразу две задачи. Первая — очевидная: это прямые шаги в сторону достижения поставленных целей. И вторая, менее явная, но более значимая для воспроизводства протестной коммуникации задача — консолидация активистского ядра вокруг актуальной проблемы, что таким образом не только демонстрирует актуальность и применимость бинарного кода протестной коммуникации, выстроенной в логике «справедливое/несправедливое», но и выступает основанием и поводом для очередного самоописания коммуникативной системы протеста.

Неудивительно, что в ответ на разрастание протестной активности системная политическая коммуникация все чаще предлагает единственный выход — табуизацию протестной темы хотя бы на уровне массмедийной презентации посредством контроля традиционных СМИ. Однако такой механизм противодействия сетевому распространению протестных настроений в российских условиях не может быть использован полностью, поскольку системная политическая коммуникация в России желает представлять современной. Прежде всего потому, что, желая соответствовать и даже конкурировать с иными политическими системами, российская политическая коммуникация вынуждена ориентироваться на присущие официальной

[Научные статьи]

Бараш Р.Э., Антоновский А.Ю.

*Современная протестная коммуникация
в контексте системно-коммуникативного подхода*

политической коммуникативной системе Европы и США механизмы сопряжения и даже симбиоза с протестной коммуникацией, дополняющей наблюдательный дефицит политической рефлексии и недостаточную способность политики к полноценным самоописаниям.

К некоторым выводам

Таким образом, обращение к методологическому потенциалу системно-коммуникативного подхода позволяет определить коммуникативное своеобразие протеста. Будучи сконцентрированной вокруг конкретной протестной темы, протестная коммуникация тематически «замкнута» на себе и, в отличие от макросистем, лишена симметричного противостоимости (бинарного кодирования). Поскольку тематика протестной программы не может быть отделена от протестного кода (истинное/ложное) и использована для определения коммуникативного своеобразия протеста, лишь конкретная тема, мотивировавшая недовольство, служит для разграничения протестной коммуникации и остального общества.

К примеру, в науке (наиболее близкой к протесту коммуникативной системе, также выстроенной на основании удостоверения общности переживаний) программы системного строительства (теории, методы) все-таки отделены от кода (истинное/ложное). В протестной коммуникации нет такого различия, вследствие чего мобилизационные возможности протеста велики, но в силу отсутствия отделенных от кодов программ они не могут быть канализированы в виде «дорожных карт» реализации «позитивных» целей.

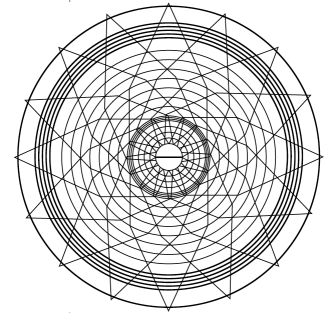
Кроме того, у протеста нет явных коммуникативных границ, обеспечивающих инклюзию участников коммуникаций. Протестные темы всегда очень диффузны и трудно отделимы от интеракций. У каждой формы протеста есть собственная другая сторона, свой «враг»: например, мужа и мужчины (в рамках протестной коммуникации против насилия в семье), власть (в рамках коммуникации политического протеста), индустрия (в рамках экологического движения), но везде реализуется различие «Betroffenheit/Решения». Одни принимают решение, другие являются его жертвами. Трудно отличить выражение протеста от протестного движения, но последнее предполагает более жесткое системообразование.

Обращение к системно-коммуникативной методологии позволяет более четко артикулировать причины складывания протестной коммуникации. Одним из наиболее значимых мотивов протестного взаимодействия является разочарование во «всеобщей инклюзии». Если раньше протестные элементы эксклюдировались как асоциальные (вытесняя на периферию общества, погибали или о них просто не знали) и не становились точками кристаллизации, то теперь им некуда эксклюдироваться. Если протестные элементы не рассеиваются как эксклюдированные индивиды, то они объединяются вокруг протестной коммуникации. Теперь они, как пораженные в правах или иных

[Научные статьи]

Бараш Р.Э., Антоновский А.Ю.

Современная протестная коммуникация в контексте системно-коммуникативного подхода

прерогативах (прежде всего, в возможности участвовать в принятии решения), образуют собственные сообщества эксклудированных, а пораженность оказывается особой темой, в некотором смысле симулякр. Причем проблемы и лишения тех или иных социальных групп (к примеру, жителей третьего мира, фавел, голодающих, женщин или детей, подвергнувшихся насилию) становятся не столько объектами борьбы за справедливость, но лишь темами протестной коммуникации.

Системно-коммуникативный фокус изучения протестного движения позволяет говорить о том, что ядром коммуникативной системы протеста является «заместительная тематизация», когда плохо инклюдированные в наличные системы представители сообществ свое разочарование в инклюзии выдают за представительство чужого разочарования, и этим инклюдируются в систему протеста.

В свою очередь одной из главных функций протестного движения оказывается критика системных дисфункций протестующими, не способными предложить решения актуальных проблем, ведь они не являются влиятельными участниками классических систем. Экономика должна лучше распределять общественный продукт, но она не может лучше распределять. Техника должна остановиться и не создавать все новые и все более рискованные формы, но она не может это сделать. Экологическая проблема не может быть решена, поскольку современное общество не может существовать в первозданной природе. Отсюда понимание необходимости некоего «внешнего вмешательства» в автономное осуществление функций классическими системами.

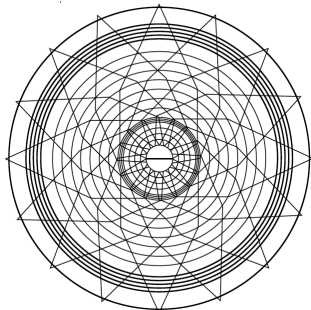
БИБЛИОГРАФИЯ

Антоновский А. (2011) Социоэпистемология. О пространственно–временном и коллективно–личностном понимании общества. М.: Канон.

Антоновский А. (2012) От интеграции к информации. К коммуникативным трансформациям в России. Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены, 3: 4–13.

Антоновский А. (2017) Наука как общественная подсистема. Никлас Луман о механизмах социальной эволюции знания и истины. Вопросы философии, 7: 158–171.

Антоновский А. (2017) Эволюционный подход к развитию науки. *Epistemology & Philosophy of science*, 52(2): 201–217.

[Научные статьи]

Бараш Р.Э., Антоновский А.Ю.

*Современная протестная коммуникация
в контексте системно-коммуникативного подхода*

Архипова А., Радченко Д., Титков А., Югай Е., Гаврилова М., Белянин С., Козлова И. (2018) «Пересборка митинга»: Интернет в протесте и протест в интернете. Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены, 1: 12–35.

Бараш Р., Антоновский А. (2017) «Истина» и «власть» как категории социальной философии. Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены, 5(141): 120–134.

Бараш Р. (2012) Интернет как средство самоактуализации и революционной самоорганизации. Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены, 3(109): 100–109.

Бараш Р. (2014) Протестное движение: в поисках нового политического субъекта. Власть, 10(22): 52–61.

Бареев М., Качурина И. (2019) Youtube как фактор формирования протестного потенциала молодежи. Регионоведение, 3(27): 572–587.

Баунов А. (2019) Учения для революции. Чем кончатся московские протесты. [URL:carnegie.ru/commentary/79623](https://carnegie.ru/commentary/79623).

Галактионова Ю. (2019) Политическое протестное поведение современной российской молодежи. Социально-экономические науки, 1: 119–126.

Горбачев А. (2017) Почему на акции протеста вышло столько подростков? Отвечают ученые из группы «Мониторинг актуального фольклора». [URL:https://meduza.io/feature/2017/03/27/pochemu-na-aktsii-protesta-vyshlo-stolko-podrostkov-i-chego-oni-hotyat](https://meduza.io/feature/2017/03/27/pochemu-na-aktsii-protesta-vyshlo-stolko-podrostkov-i-chego-oni-hotyat).

Гостев А. (2019) Рецепт революции. [URL:www.svoboda.org/a/30236548.html](http://www.svoboda.org/a/30236548.html)

Дзялошинский И., Жолудь, Р. (2018) Провокация в системе коммуникационных технологий. Коммуникации. Медиа. Дизайн, 3(2), 79-97. [URL:https://cmd-journal.hse.ru/article/view/7999](https://cmd-journal.hse.ru/article/view/7999).

Железнова М. (2019) Мы Иван Голунов, Егор Жуков и Павел Устинов. [URL:www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/09/17/811454-golunov-zhukov-ustinov](http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/09/17/811454-golunov-zhukov-ustinov).

Кастельс М. (2000) Информационная эпоха. Экономика, общество, культура. М.: ГУ ВШЭ.

Легостаева Н. (2019) Протестные сообщества в социальной сети «ВКонтакте»: виды, тематика, содержание публикаций. Научный журнал «Дискурс», 7(33): 130–143.

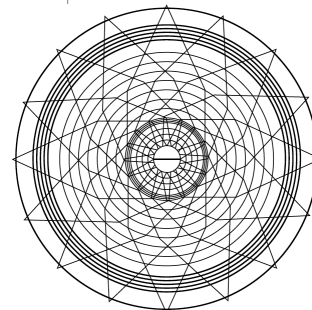
Луман Н. (2016) Истина, знание, наука как система. М.: Логос.

Луман Н. (2017) Эволюция науки (перевод с немецкого). Epistemology & Philosophy of science, 2(52): 215–233.

[Научные статьи]

Бараш Р.Э., Антоновский А.Ю.

Современная протестная коммуникация в контексте системно-коммуникативного подхода

Палагичева А., Фролов А. (2019) Технологии демобилизации граждан в протесте: на примере протестов против повышения пенсионного возраста в РФ. Южно–российский журнал социальных наук, 1(20): 57–71. <https://doi.org/10.31429/26190567-20-1-57-7>

Перцев А. (2019) Радикализация и символизм: облик нового российского протеста. <URL:carnegie.ru/commentary/79155>.

Соколов А., Курбанова А. (2018) Интернет–технологии в массовых движениях. Власть, 9(26): 35–41. <https://doi.org/10.31171/vlast.v26i9.6147>

Соколов А. (2019) Коллективные действия в современной России: особенности организации и реакция власти. Южно–российский журнал социальных наук, 2(20): 45–59. <https://doi.org/10.31429/26190567-20-2-45-59>

Становая Т. (2019) Бенефициары лета. Как властные группы наращивают портфель к 2024 году. <URL:carnegie.ru/commentary/80193>.

Шкляр В. (2019) Судьба актера. Чем чревата цеховая солидарность при защите политзаключенных. <URL:republic.ru/posts/94732>.

Antonovsky, A. (2017). Technologies of the Electoral Process: A Field Study of the Possibility of Informative Communication. Russian Studies in Philosophy, 55(1), 37–48. <https://doi.org/10.1080/10611967.2017.1296291>

Blumer, H. (1969). Collective Behavior. In A.M. Lee (Ed.), Principles of Sociology (pp. 67–121). New York: Barnes and Noble.

Castells, M. (1997). The Information Age: Economy. Society and Culture (Vol. 2). The power of identity, Oxford: Blackwell Publishers.

Eyerman, R., Jamison, A. (1991). Social Movements. A Cognitive Approach, Cambridge: Polity Press.

Fuchs, Ch. (2006). The Self–Organization of Social Movements. Systemic Practice and Action Research, 19(1), 101–137.

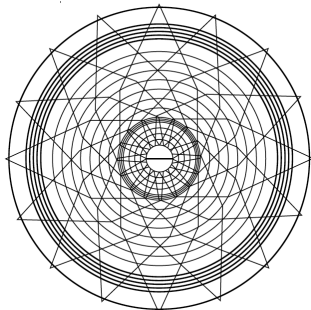
Goodwin, J., Hetland, G. (2013). The Strange Disappearance of Capitalism from Social Movement Studies. In C. Barker, L. Cox, J Krinsky, A. Nilsen (Eds.), Marxism and Social Movements (pp. 83–103). Leiden: Brill. https://doi.org/10.1163/9789004251434_005

Harvey, D. (2008). The Right to the City. New Left Review, 53, 23–40. <URL:newleftreview.org/II/53/david-harvey-the-right-to-the-city>.

Japp, K. P. (1996). Soziologische Risikotheorie, Muenchen: Juventa.

Luhmann, N. (1972). Soziologische Aufklärung 2, Springer.

Luhmann, N. (1994). Systemtheorie und Protestbewegungen. Ein Interview. Forschungsjournal Neue Soziale Bewegungen, 2, 53–69.

[Научные статьи]

Бараш Р.Э., Антоновский А.Ю.

*Современная протестная коммуникация
в контексте системно-коммуникативного подхода*

Luhmann, N. (1996). *Protest. Systemtheorie und soziale Bewegungen*, Frankfurt am Main: Suhrkamp.

Melucci, A. (1985). The symbolic challenge of contemporary movements. *Social Research*, 52(4), 789–815.

Meyer, D. S. (2004). Protest and political opportunities. *The Annual Review of Sociology*, 30, 125–145.

Muasher, M. (2019). Is This the Arab Spring 2.0?
[URL:go.carnegieendowment.org/R00n0yyPTo0000v0PWVcSV1](https://go.carnegieendowment.org/R00n0yyPTo0000v0PWVcSV1)

Political Protest in Times of Crisis. Construction of New Frames of Diagnosis and Emotional Climate. *Frontiers in Psychology*, 8.
[URL:https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5600953/pdf/fpsyg-08-01568.pdf](https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5600953/pdf/fpsyg-08-01568.pdf)

Sabucedo, J.-M., Barreto, I., Seoane, G., Alzate, M., Gómez-Román, C., Vilas, X. (2017).

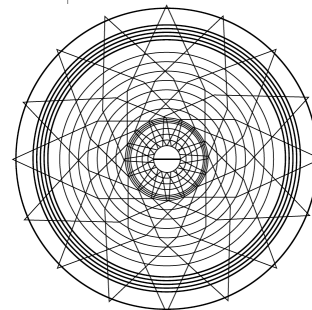
Tilly, C. (2004). *Social Movements, 1768–2004*. Boulder, London: Paradigm.

Touraine, A. (1985). An introduction to the study of social movements. *Social Research*, 52(4), 749–787.

[Научные статьи]

Бараш Р.Э., Антоновский А.Ю.

Современная протестная коммуникация в контексте системно-коммуникативного подхода

CONTEMPORARY PROTEST COMMUNICATION IN THE CONTEXT OF A SYSTEM-COMMUNICATIVE APPROACH

Barash R.E.

Candidate Sci.(Pol.Sci.), Senior Researcher of the Centre for Complex Social Studies, Institute of Sociology of the FCTAS RAS (Moscow, Russia)
raisabarash@gmail.com

Antonovskiy A.Yu.

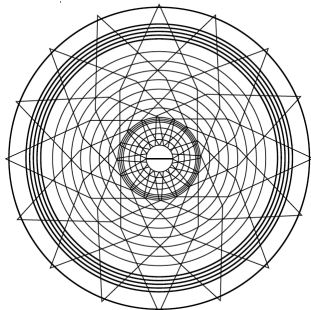
DSc in Philosophy, Leading Researcher of Institute of Philosophy, RAS (Moscow, Russia)
antonovski@hotmail.com

Abstract:

The authors of the article analyses the protest actions that took place for recent years in various parts of the world and that were determined by completely different reasons. Applying to the methodology of systemic-communicative analysis for the study of the protests actions the authors propose to interpret the protest self-organization primarily as a communication, that is alternative to the interaction of the political sphere and civil society.

Trying as to define the specifics of protest communication as a new communicative system that is nevertheless commensurate with the traditional communicative system (politics, economy, science), as well as to find out whether new social movements, primarily protest ones, fulfill the unique task of simultaneously reproducing themselves, so and interaction with other social systems, the authors turn to the use of the methodological framework of a system-communicative approach. Such a methodology for studying protest activity interpret the emergence of new social movements as a result of a reaction of society to its general systemic structural deformations and to current social risks. Besides the system-communicative approach interprets protest communication as a prerequisite for active action and defines it as a result of the inclusion of the emotion of “social fear”. So, the ability to experience fear for another makes possible accumulation and transferring of fears from one participant to another.

Keywords: protest, media, communication, activism, system-communicative approach

[Научные статьи]

Бараш Р.Э., Антоновский А.Ю.

*Современная протестная коммуникация
в контексте системно-коммуникативного подхода*

REFERENCES

Antonovskiy A. (2011) Sotsioepistemologiya. O prostranstvenno–vremennom i kollektivno–lichnostnom ponimanii obshchestva. M.: Kanon.

Antonovskiy A. (2012) Ot integratsii k informatsii. K kommunikativnym transformatsiyam v Rossii. Monitoring obshchestvennogo mneniya. Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny, 3: 4–13.

Antonovskiy A. (2017) Evolyutsionnyy podkhod k razvitiyu nauki. Epistemology & Philosophy of science, 52(2): 201–217.

Antonovskiy A. (2017) Nauka kak obshchestvennaya podsistema. Niklas Luman o mekhanizмах sotsial'noy evolyutsii znaniya i istiny. Voprosy filosofii, 7: 158–171.

Antonovsky, A. (2017). Technologies of the Electoral Process: A Field Study of the Possibility of Informative Communication. Russian Studies in Philosophy, 55(1), 37–48. <https://doi.org/10.1080/10611967.2017.1296291>

Arkhipova A., Radchenko D., Titkov A., Yugay E., Gavrilova M., Belyanin S., Kozlova I. (2018) «Peresborka mitinga»: Internet v proteste i protest v internete. Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny, 1: 12–35.

Barash R., Antonovskiy A. (2017) «Istina» i «vlast'» kak kategorii sotsial'noy filosofii. Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny, 5(141): 120–134.

Barash R. (2012) Internet kak sredstvo samoaktualizatsii i revolyutsionnoy samoorganizatsii. Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny, 3(109): 100–109.

Barash R. (2014) Protestnoe dvizhenie: v poiskakh novogo politicheskogo sub"ekta. Vlast', 10(22): 52–61.

Bareev M., Kachurina I. (2019) Youtube kak faktor formirovaniya protestnogo potentsiala molodezhi. Regionologiya, 3(27): 572–587.

Baunov A. (2019) Ucheniya dlya revolyutsii. Chem konchatsya moskovskie protesty. <URL:carnegie.ru/commentary/79623>.

Blumer, H. (1969). Collective Behavior. In A.M. Lee (Ed.), Principles of Sociology (pp. 67–121). New York: Barnes and Noble.

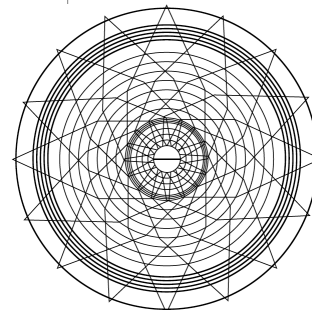
Castells, M. (1997). The Information Age: Economy. Society and Culture (Vol. 2). The power of identity, Oxford: Blackwell Publishers.

Dzhaloshinskiy I., Zholud', R. (2018) Provokatsiya v sisteme kommunikatsionnykh tekhnologiy. Kommunikatsii. Media. Dizayn, 3(2), 79-97. <URL:https://cmd-journal.hse.ru/article/view/7999>.

[Научные статьи]

Бараш Р.Э., Антоновский А.Ю.

Современная протестная коммуникация в контексте системно-коммуникативного подхода

Eyerman, R., Jamison, A. (1991). *Social Movements. A Cognitive Approach*, Cambridge: Polity Press.

Fuchs, Ch. (2006). *The Self-Organization of Social Movements. Systemic Practice and Action Research*, 19(1), 101–137.

Galaktionova Yu. (2019) *Politicheskoe protestnoe povedenie sovremennoy rossiyskoy molodezhi. Sotsial'no-ekonomicheskie nauki*, 1: 119–126.

Goodwin, J., Hetland, G. (2013). *The Strange Disappearance of Capitalism from Social Movement Studies*. In C. Barker, L. Cox, J Krinsky, A. Nilsen (Eds.), *Marxism and Social Movements* (pp. 83–103). Leiden: Brill. https://doi.org/10.1163/9789004251434_005

Gorbachev A. (2017) *Pochemu na aksii protesta vyshlo stol'ko podrostkov? Otvechayut uchenye iz gruppy «Monitoring aktual'nogo fol'klora»*. URL:<https://meduza.io/feature/2017/03/27/pochemu-na-aksii-protesta-vyshlo-stolko-podrostkov-i-chego-oni-hotyat>.

Gostev A. (2019) *Retsept revolyutsii*. URL:www.svoboda.org/a/30236548.html

Harvey, D. (2008). *The Right to the City*. *New Left Review*, 53, 23–40. URL:newleftreview.org/II/53/david-harvey-the-right-to-the-city.

Japp, K. P. (1996). *Soziologische Risikotheorie*, Muenchen: Juventa.

Kastel's M. (2000) *Informatsionnaya epokha. Ekonomika, obshchestvo, kul'tura*. M.: GU VShE.

Legostaeva N. (2019) *Protestnye soobshchestva v sotsial'noy seti «VKontakte»: vidy, tematika, sodержanie publikatsiy*. *Nauchnyy zhurnal «Diskurs»*, 7(33): 130–143.

Luhmann, N. (1972). *Soziologische Aufklärung 2*, Springer.

Luhmann, N. (1994). *Systemtheorie und Protestbewegungen. Ein Interview*. *Forschungsjournal Neue Soziale Bewegungen*, 2, 53–69.

Luhmann, N. (1996). *Protest. Systemtheorie und soziale Bewegungen*, Frankfurt am Main: Suhrkamp.

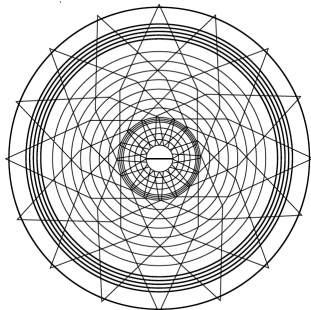
Luman N. (2016) *Istina, znanie, nauka kak sistema*. M.: Logos.

Luman N. (2017) *Evolyutsiya nauki (perevod s nemetskogo)*. *Epistemology & Philosophy of science*, 2(52): 215–233.

Melucci, A. (1985). *The symbolic challenge of contemporary movements*. *Social Research*, 52(4), 789–815.

Meyer, D. S. (2004). *Protest and political opportunities*. *The Annual Review of Sociology*, 30, 125–145.

Muasher, M. (2019). *Is This the Arab Spring 2.0?* URL:go.carnegieendowment.org/R00n0yyPTo0000v0PWVcSV1

[Научные статьи]

Бараш Р.Э., Антоновский А.Ю.

*Современная протестная коммуникация
в контексте системно-коммуникативного подхода*

Palagicheva A., Frolov A. (2019) Tekhnologii demobilizatsii grazhdan v proteste: na primere protestov protiv povysheniya pensionnogo vozrasta v RF. Yuzhno–rossiyskiy zhurnal sotsial'nykh nauk, 1(20): 57–71. <https://doi.org/10.31429/26190567-20-1-57-7>

Pertsev A. (2019) Radikalizatsiya i simbolizm: oblik novogo rossiyskogo protesta. <URL:carnegie.ru/commentary/79155>.

Political Protest in Times of Crisis. Construction of New Frames of Diagnosis and Emotional Climate. *Frontiers in Psychology*, 8. <URL:https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5600953/pdf/fpsyg-08-01568.pdf>

Sabucedo, J.–M., Barreto, I., Seoane, G., Alzate, M., Gómez–Román, C., Vilas, X. (2017).

Shklyarov V. (2019) Sud'ba aktera. Chem chrevata tsekhovaya solidarnost' pri zashchite politzaklyuchennykh. <URL:republic.ru/posts/94732>.

Sokolov A., Kurbanova A. (2018) Internet–tekhnologii v massovykh dvizheniyakh. *Vlast'*, 9(26): 35–41. <https://doi.org/10.31171/vlast.v26i9.6147>

Sokolov A. (2019) Kollektivnye deystviya v sovremennoy Rossii: osobennosti organizatsii i reaktsiya vlasti. *Yuzhno–rossiyskiy zhurnal sotsial'nykh nauk*, 2(20): 45–59. <https://doi.org/10.31429/26190567-20-2-45-59>

Stanovaya T. (2019) Benefitsiary leta. Kak vlastnye gruppy narashchivayut portfel' k 2024 godu. <URL:carnegie.ru/commentary/80193>.

Tilly, C. (2004). *Social Movements, 1768–2004*. Boulder, London: Paradigm.

Touraine, A. (1985). An introduction to the study of social movements. *Social Research*, 52(4), 749–787.

Zheleznova M. (2019) My Ivan Golunov, Egor Zhukov i Pavel Ustinov. <URL:www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/09/17/811454-golunov-zhukov-ustinov>.